

Е. Л. Березович^a

ORCID: 0000-0002-1688-2808
✉ berezovich@yandex.ru

О. Д. Сурикова^{ab}

ORCID: 0000-0002-9526-7853
✉ surok62@mail.ru

^a Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)

^b Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)

О ЛИНГВОПРАГМАТИКЕ РУССКИХ ДЕМОНИМИЧЕСКИХ ПРОКЛЯТИЙ

Аннотация. Статья продолжает цикл исследований авторов, посвященный лексике русских проклятий, и направлена на изучение лингвопрагматических особенностей проклятий, в которых упоминаются названия нечистой силы. Демонимы называют эталонного актора злопожеланий, а проклятья с их участием — «архетип» злопожелания, поскольку апеллируют к «образцовому» воплощению идеи зла. Несмотря на это, проклятья с демонимами не являются самыми частотными, а число эвфемистических замен в них особенно высоко. Это связано с тем, что в этом случае проклинающий нарушает сразу два табу — произносит перформатив-злоречение и называет по имени врага рода человеческого: оба эти действия являются опасными и непристойными. Чтобы смягчить перлокутивный эффект подобного речевого акта, используется иносказание. В статье анализируются механизмы шифрования демонимии (выбор таких наименований демонов, которые представляются говорящему более «мягкими», чем их основные имена, например, *леман* вместо *леший*; местоименные обозначения черта или лешего и т. д.); производится сопоставительный анализ функционирования демонимов в нарративном (например, быличка) и диалоговом (проклятье, отсылка) коммуникативных режимах. Диалоговый режим коммуникации требует от демонима словообразовательной экспрессии, и наоборот, демонимы в «задабривающих» словообразовательных формах имеют меньше шансов попасть в бранные формулы; практически не встречаются в проклятиях и демонимы, образованные от имен собственных (*дядя Миша* 'черт', *Сысой* 'леший'). В статье определяются причины различий такого функционирования; исследуются отдемонимные метаязыковые глаголы, называющие акт злопожелания (*чертыкаться*, *лешакаться* с их диалектными и просторечными вариантами и производными, *бесыкать*, *сатанить*, а также глаголы с корнем *клят-*: *клясть*, *проклинать* и др.).

Ключевые слова: русская диалектная лексика, проклятия, вербальная магия, лингвопрагматика, народная религия, демонимия

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Для цитирования: Березович Е. Л., Сурикова О. Д. О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // Шаги/Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 268–287. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-268-287>.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2020 г.
Принято к печати 7 января 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 2. 2021
Articles

E. L. Berezovich^a

ORCID: 0000-0002-1688-2808

✉ berezovich@yandex.ru

O. D. Surikova^{ab}

ORCID: 0000-0002-9526-7853

✉ surok62@mail.ru

^a Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Yekaterinburg)

^b V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
(Russia, Moscow)

ON LINGUOPRAGMATICS OF RUSSIAN IMPRECATIONS MENTIONING EVIL FORCES

Abstract. The article continues the authors' cycle of studies on the vocabulary of Russian imprecations. It is aimed at studying the linguistic and pragmatic features of imprecations that mention the names of evil spirits. Demonyms are the standard actors of imprecations, and imprecations in which appear are the archetype of an imprecation, as they appeal to the exemplary embodiment of the idea of evil. Despite this, imprecations with demonyms are not the most frequent, and the number of euphemistic substitutions in these texts is especially high. This is due to the fact that the author of an imprecation which mentions an evil spirit violates two taboos at once — he verbalizes a slander and calls the enemy of the human race by name: both of these actions are dangerous and obscene.

To soften the perlocative effect of the speech act, a euphemism is used. The authors analyze the mechanisms of encryption of demonymy (for instance, the choice of such names of demons that appear to the speaker “softer” than their main names — *leman* instead of *leshii* ‘wood-goblin’; pronominal designations of the *chert* ‘devil’ or the *leshii* ‘wood-goblin’, etc.). The authors also provide a comparative analysis of the functioning of demonyms in the narrative and in the dialog modes of communication. For example, the dialog mode requires word-forming expression of demonyms, and vice versa, demonyms that have cajoling forms are less likely to get into expletive formulas; practically there are no such demonyms in imprecations that are formed from proper names (cf. *uncle Misha* ‘devil’, *Sysoy* ‘wood-goblin’). The reasons for differences in such functioning are determined. The authors also study the non-synonymous meta-language verbs that name the act of imprecation (*chertykhat’sia*, *leshakat’sia* with their dialect and colloquial variants and derivatives, *besykat’*, *satanit’*, as well as verbs like *kliast’*, *proklinat’*).

Keywords: Russian dialect vocabulary, imprecations, verbal magic, linguopragmatics, folk religion, demonymy

Acknowledgements. The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223 “Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary”.

To cite this article: Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2021). On linguopragmatics of Russian imprecations mentioning evil forces. *Shagi / Steps*, 7(2), 268–287. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-268-287>.

Received August 15, 2020

Accepted January 7, 2021

Настоящая работа продолжает цикл статей авторов, посвященных лексике русских проклятий [Березович, Сурикова 2017a; 2017b; 2017c; 2017d; 2018; 2019]. В ней мы проанализируем некоторые особенности функционирования в жанре проклятий названий нечистой силы. Отсылкам к нечистой силе как общеславянскому мотиву проклятий посвящена важная работа Л. Н. Виноградовой [2012]: в этнолингвистическом ключе и на материале всех славянских традиций в ней проанализированы данные, извлеченные преимущественно из фольклорных источников. Мы обратимся к этой теме снова, учитывая и собственно проклятья, и бранные отсылки, — но ограничимся русским, в основном диалектным, материалом, в том числе прежде не публиковавшимся (почерпнутым из диалектных словарей и полевых картотек), который будем рассматривать в собственно лингвистическом и лингвопрагматическом ракурсах.

Демонимы называют эталонного актора злопожеланий — представителей нечистой силы. Актор — это актант смысловой структуры проклятья, занимаемый наименованиями зловредных существ (предметов, явлений), к которым обращается проклинаящий и которые, по его мысли, должны нанести ущерб

тому, кого проклинаят. Чаще всего позицию актора маркируют наименования болезней (морд. *Чтоб тебя сибёрка* [сибирская язва] *подхватила* [СРГМ (2): 114]), реже — названия природных стихий (волгогр. *Гроза тебе в бок* [СДГВО: 122]), опасных животных (смолен. *Задёргай те волк* [СРНГ (10): 52]), инородцев (новосиб. *Уведи (кого) татар* [ФСРГС: 195]), угрожающих орудий (перм. *Кол в хайло* [СПГ (1): 403]) и пр. Демонимы достаточно частотны в этой роли, но не занимают лидирующей позиции, несмотря на свою архетипичность в качестве выразителей и носителей зла. По всей вероятности, это происходит потому, что употребление демонимов представляется намного более опасным и для проклинаящего, и для проклиняемого, нежели упоминание других неприятных субстанций — недугов, стихий, диких животных и др.

Это вполне соответствует лингвопрагматике жанра проклятий в целом. Разберемся в этом подробнее. Проклятье понимается как «словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т. п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком — разрушителем законов и обычаев» [Виноградова, Седакова 2009: 286]. Изначально проклятия несли магическую функцию — покарать словом (перформативно предполагающим «дело»). Как указывает Л. Н. Виноградова, «...во всех славянских традициях отмечается тенденция причислять к жанру проклятий бранные выражения в виде формул-отсылок (“Иди ты к черту!” <...>), которые функционируют наряду с оптативными конструкциями типа “Чтоб тебя черти побрали!”» [Виноградова 2012: 49–50]. Таким образом, кроме магической функции, проклятия стали употребляться и в функции «эмоциональной разрядки». Так, восклицание *Черт побери*, произносимое современным горожанином, вряд ли направляется магической целеустановкой, а проклятие *Будь ты трóю*, которое некоторые носители костромских говоров до сих пор считают страшным¹, для уральского крестьянина может нести всего лишь смысл удивления или поощрения — и даже приобретает «ласкательный» вариант *троечки* (ср. свердл. *Будь ты трóю*, *Будь ты трóечки* ‘восклицание, выражающее одобрительное удивление и поощрение или досаду; различие значений выражается в интонации’ [СРГСУ (1): 59]).

При этом в традиционном восприятии оба вида речевых актов — «оптативные» проклятия и отсылки — могут иметь одинаковые (самые серьезные) перлокутивные эффекты. Проклинать — опасно, в первую очередь для самого проклинаящего: «На проклинателей нечистая сила насылет морок, блазнит, “вводит в прелесть”» [Щербинина 2019: 119]. Но и отсылка к нечистой силе, вообще упоминание ее, даже «невинное», произнесенное в качестве экспрессивной речевой формулы, влечет большие неприятности для адресата: вологод. «А как скажут раньше “*Лешачина тебя понеси*”², — он и унесёт. А теперь с чёртом живут, ни лешачины, никого не боятся» [СВГ (4): 39]; приказ. «Он ведь и девку уносил в Тамбов. Вот, видимо, излешакал её кто, сказал: “*Иди ты*

¹ Так, информанты из Шарьинского района Костромской области, у которых мы пытались уточнить значение этой формулы, в ряде случаев отказывались ее повторить.

² Здесь и далее курсив в контекстах авторов статьи.

к лешему». Вот ее живуно-то и унёс» [СРГЮП (1): 281]; краснояр. «*Да повяди тебя леший!* — мать-то ей сказала. Ить ушла девка да до сих пор нету! Искали вязде, всем сельсоветом, всем миром, и нигде не нашли. Проклинать нельзя, ругаться нельзя» [Афанасьева-Медведева (3): 324]. Беда может случиться и с «отсылающим»: перм. «Если лешакаешься, то колдун в это время испортить может»; «Вот по дороге идёшь, запнёшься, переругаешься, и всё — чертёнок залетит» [ЭСМРП]; костром. «Ты долешакаешься, так лешака-то на дом вызовешь. Сама вызываешь, лешакаешься когда» [ЛКТЭ].

Таким образом, употребление демонимов в речи носителей народной традиции строго ограничено; однако запрет на их использование, разумеется, постоянно нарушается. Об этом свидетельствует не только солидное количество злопожеланий с упоминанием нечистой силы, которые зафиксированы в диалектных источниках, но и продуктивность отдемонимных глаголов с семантикой ‘проклинать, ругаться с упоминанием того, что названо производящей основой’. Самый частотный из них — *чертыхаться*, фигурирующий как в разговорном стиле литературного языка, так и в диалектной среде: перм. «Чертыхаться тем боле нельзя и проклинать нельзя ребёнка. Уж ребёнка тем более, ребят. Да хоть кого. Хоть даже вот мужа» [ЭСМРП]. В. И. Даль приводит ряд его диалектных или просторечных вариантов: *чертáть, чертáться, черты́жить, черты́житься, черты́жничать, черты́кать, черты́каться* (без указания места) [Даль 1880–1882 (4): 616]. Фиксируются подобные формы и в диалектных словарях XX–XXI вв.: рязан. *черкáться* [Оссовецкий 1969: 596], моск. *зачеркáться* [СРНГ (11): 174], яросл. *чёркять*: «Черкять начнёт нас, чёрным ругает всё, чёртом» [ЯОС (10): 54], дон. *чертовáться* [БТСДК: 577], арханг. *чёртываться* ‘помянуть черта’: «Роман не лешáкивался и не чёртывался» [Сими́на 1976: 139], арханг. *чертáться* [Дуров 2011: 439] и др. Есть и метаязыковые конструкции, подразумевающие черта, но с иным лексическим воплощением представлений об акторе проклятия: дон. *ругать по-чёрному* ‘ругать, употребляя слово черт’ [СРДГ (3): 51], диал. *ругаться по-долгому* ‘ругаться с упоминанием черта’ [Щербина 2019: 481].

Если глаголы, образованные от основы *черт-*, отмечены во всех группах говоров, то «лешевы» — только в северновеликорусских (и дочерних по отношению к ним). В основном это образования от основы *лешак-* и фонетически близких основ: *лешáкаться* арханг., вологод., карел., мурман., перм., свердл., костром. ‘ругаться, помяная лешака (лешего)’ [СРНГ (17): 30; СГРС (7): 85; ЭСМРП; СРГК (3): 120; СВГ (4): 39; СРГСУ (2): 96; ЛКТЭ; КСГРС]: «Лешакаться нельзя. В лесу-то нельзя. “Понеси тебя леший” нельзя говорить» (костром.); «Ругаться уж не надо, он уж [леший] не любит. Старушка одна так лешакалась, так и умерла в бане, видно, леший замучал» (вологод.) [ЛКТЭ]; «Просекой идём далеко (...) а он кричит: “Мама, я на ёлке”. Ак его не на ёлке нашли, дедушко его ссадил на корни. Вот лешакаться-то нельзя» (костром.) [КСГРС], карел., мурман. *лешахáться* [СРГК 3: 120], арханг., вологод., перм. *лешакáть*: «Ты не лешакой скотину» (арханг.); «Вот мать-то ребёнка лешакала. А леший нечистый дух считается. Он уносит его [ребенка]. Потеряют ребёнка, а потом молебен молятся, он [леший] труп выбрасывает» (перм.) [ЭСМРП]; «Которые ребят лешакают. Нельзя лешакать: совсем уведёт [леший]» (перм.) [СГРС (7): 85], вологод. *лешайтáсь* [СГРС (7): 84], олон., яросл., вологод.

лешихаться, лешехаться [СРНГ (17): 34], беломор. *лэшкать, лэшкаться* [Дуров 2011: 208], енис. *лешачить* [СРНГ (17): 31], костром. *лешачиться*: «Лучше матюшитесь, не лешачитесь. Это опасно очень» [ЛКТЭ].

Об активности этой словообразовательной модели свидетельствуют и многочисленные приставочные образования: костром. *долешакаться* [ЛКТЭ], арханг., вологод., костром. *залешакаться, залешукаться* [АОС (17): 319; КСГРС; ЛКТЭ]: «Она залешукалась. То же это говорят само худое слово. Только залешукайся!» (арханг.) [АОС (17): 319]; «Мужик залешакался: *Вот бы чёрт увёл*. Три дня не было коровы» (костром.) [ЛКТЭ]; Киров. *залешачить* [СРНГ (10): 204], перм. *излешакать*: «Лесной его и унес, то ли его мать излешакала, че ли» [СПГ (1): 350], перм. *перелешакать*: «Ну, вот она [дочь] вольная была. А её мать перелешакала. Днём-от лешакала. И она в двенадцать часов из дому выбыла и растаяла» [ЭСМРП], костром., перм. *перелешакаться* [ЛКТЭ; ЭСМРП]: «И вот она по-за бане идёт, поскользнулась и перелешакалась — он [бес] и залетел. Потом стал говорить: “Я на колышке сидел, тебя ждал”» [ЭСМРП], арханг. *полешакаться*: «Только полешакайся — тебя леший и заберёт» [СРНГ (29): 65], перм. *слешакать*: «Один парень есть. Его раз мать слешакала: “Иди, — говорит, — к лешему”. А он ушёл в лес. Недельку его искали. Его нашли, а он говорит: “Я под ёлочкой спал, меня дедушко укрывал”» [ЭСМРП], арханг., перм. *слешакаться* [КСГРС; ЭСМРП], перм. *слешовать* [ЭСМРП] и др.

Отмечаются также «лешевы» глагольно-именные или глагольно-адвербиальные конструкции типа перм. *лешакá гаркать* ‘ругаться, упоминая нечистую силу’ [СПГ (1): 158], вологод. *лешакá поминать* ‘то же’ [КСГРС], ленингр. *сказать на лёмбуи* ‘выругаться, упомянув лембуя (лешего)’ [СРГК (3): 110], костром. *по-лесному ругаться*: «По-лесному боюсь ругаться, “леман” скажу, а не “леший”. Леман-то непрямо» [ЛКТЭ], костром. *леснойой ругаться* [Там же], чит., краснаяр. *лешим изругаться* ‘выругаться, упоминая лешего (мифического духа — хозяина леса), посылая кого-либо к лешему, адресуя кому-либо проклятия, произнося: «иди ты к лешему!», «веди тебя леший!» и др.’: «Вот отец проклял или мать ли... А ребёнок-то он неслух был, ну и она вгорячах-то *лешим изругалась*, и он, говорит, ушёл и ушёл, ребёнок-то. Это было, было! Не кляни ребёнка. Никогда не кляни. А матери-то дак вовсе клясти нельзя. Материнское, говорят, слово — не стрела, а хуже стрелы. Нельзя клясти детей. Вот бывает такой час, такая минута, что вот сказал “Иди ты к лешему”, а он уже здесь, и всё» [Афанасьева-Медведева (18): 365–366] и т. д.

В рамках этой глагольной модели эпизодически встречаются образования от других демонимов, например, *сатана* и *бес*: твер. *бесыкать* ‘ругаться бесом, чертыхаться’ [ТСГТО: 109], вологод. *сатанить*: «Она всё лешакала да сатанила, вот и блудила» [СГРС (7): 85]. Возникают также глаголы, отсылающие к устойчивым бранным формулам: перм. *трóйкать* ‘ругать, бранить, используя проклятия’: «Шибко я его тройкала, будь, мол, ты трою проклятой» [СПГ (2): 449] (< *Будь ты трóю*, см. выше), курск. *огнякать* ‘чертыхаться, повторяя слова «Огонь тебя попали» [СРНГ (22): 331] (ср. также орл. *Антонов огонь тебе в живот* [Козельская 2004: 209]) и др., которые напоминают просторечные глаголы типа *материть(ся)* ‘браниться с упоминанием слова *мать*’, *сволочить* ‘браниться с упоминанием слова *сволочь*’.

Кроме сказанного, важен тот факт, что «демоническая» составляющая может не только проявляться эксплицитно в ряде отдемонимных глаголов, но и, будучи не выраженной формально (на уровне производящих основ), входит непосредственно в объем лексического значения глаголов гнезда, центрального для «словаря проклятий», — *клят-*, ср. арханг. *закля́ться* ‘начать ругаться, поминая нечистую силу’: «Пахала колидор — заклалась, дак и залетело [болезнь “икота”]. Йето тут так и схватиш» [АОС (17): 108], арханг. *скля́ться* ‘выругаться, поминая нечистую силу’: «Она склялася. Клесьтись нельзя — йе-жэли закленесе [плохо будет]. Она склялася, да заболела» [Там же], костром. *кля́тись* ‘ругаться, поминая нечистую силу’: «Клястись не надо, лучше матюшиться» [ЛКТЭ]. См. еще свидетельство П. Н. Рыбникова о том, как в Заонежье понимался глагол *заклясть*: это «обречь кого-нибудь нечистой силе, например, сказать в недобрый час: *Изьми тя, унеси тя*; а особенно сильно заклатье странных людей» [Власова 2008: 435]. Ср. также проявления «демонической» темы на уровне контекстной семантики: арханг. «Ой, Лизавета, не проклинай дом, не лешакайся» [СГРС (7): 85]; костром. «Не лешакайся, не клянись» [ЛКТЭ]. Неслучайно авторы [ЭСМРП] включают указание на нечистую силу в дефиницию «проклинающих» глаголов — перм. *клянúть, клясть, проклинать, прокля́тáть* ‘ругать кого-либо, «посылать» к черту и т. п., таким образом открывая доступ к нему нечистой силе, способной причинить ему вред, вызвать его болезнь или смерть’: «Это называется “проклинают”. Леший уводит. Леший водит, водит по лесу и уводит совсем», *спрокля́тáться* ‘выругаться и таким образом открыть доступ к себе злым духам, способным вызвать болезнь’: «Изругайся, спрокля́тайся, как запнёшься — вот и икотка тебе».

От «проклинающих» глаголов могут быть образованы наименования объектов проклятия, которые нередко сами наделяются демоническими свойствами, ср., к примеру, вологод. *проклёнуши* — «существа, средние между нечистым духом и человеком. Живут невидимо в курганах, ямах и канавах. Это души некрещеных младенцев и людей, проклятых и увлеченных лешими» [Герасимов 1910: 68], вят. *проклянёныш* ‘в суеверных представлениях — человек, проклятый родителями и поступающий поэтому в полное распоряжение нечистой силы’ [СРНГ (32): 159], вологод. *проклянённый*: «Этот дедушко был весь белый, всё и ходил в этом месте, он тоже проклянённый был, боялись проклянённого мы» [СВРГ: 420], астрахан. *проклятой* ‘род лешего или водяного, живущего в камышах, лоб(п)астый’ [Даль 1880–1882 (3): 490] и др. (тексты о *проклёнушах* и пр. см.: [Власова 2008, 428–437]).

Продуктивность отдемонимной метаязыковой модели говорит об особой значимости «демонических» проклятий и об отрефлексированности их функций (в первую очередь магической) в языковом сознании носителей традиционной культуры.

При этом характерно, что названия представителей нечистой силы в проклятиях — уже в субстантивном виде, маркирующем позицию актора проклятия — не дают большого идеографического разнообразия — так же, как в описанной ситуации с отдемонимными предикатами. Это понятно,

³ Важно отметить, что глагол *закля́ть(ся)* является энантиосемичным, ср., к примеру, смолен. *закля́тэй молебен* ‘молебен против нечистой силы’ [Добровольский 1914: 239].

поскольку автор проклятия стремится упоминать самую опасную и «действенную» нечистую силу, а не многочисленных «мелких» демонов. Как и в случае с глагольной метаязыковой моделью, в качестве вредоносной силы в проклятиях чаще всего фигурирует черт, на Русском Севере лидирует леший (ср.: «Нетрудно отметить, что в бранных выражениях фигурирует в первую очередь леший, персонаж весьма популярный в лесной зоне Севера» [Черепанова 1983: 75]). Значительно реже упоминаются водяной, домовый и некоторые другие духи.

Каждый из этих представителей нечистой силы может называться прямо (ср., например, простореч. *Чёрт бы (кого) взял (унёс)*, арханг. *Унеси лёшой да вóдерень* [АОС (4): 83], вологод. *Водяной забери* [СГРС (3): 142], арханг. *А дави ты сусёдко* — в этом выражении *сусёдко* — диал. широко распространенное ‘домовый’ [СРНГ (42): 296] — и мн. др.) или иносказательно, ср., например, о черте: тамб. *Хрясни его лютый* [СРНГ (17): 249], морд. *Налётный бы тебя (вас, их и т. п.) взял (не видал)* [СРГМ (1): 488], смолен. *Мардуй ты побери* [СРНГ (17): 370] (где смолен. *мардуй* — ‘черт, нечистая сила’ < эст. *mardus* ‘привидение; дурная примета; загробный голос’ [Фасмер 1964–1973 (2): 573]) и т. д.; о лешем: вологод. *Возьми тебя большак* [КСГРС], моск. *Иди ты к седому* [СГПод: 466] и пр.; о домовом: без указания места *Жма тебя побери* [Черепанова 1983: 74] и т. д. В связи с выбором базового демонима или эвфемистической замены, который каждый раз осуществляет автор проклятия, встает вопрос о стоящем за этим выбором целеполагании проклятий. Проще говоря, интересны цели шифрования лексики, называющей нечистую силу. Их две.

Первая из них — ослабление разрушительного воздействия проклятия. Для этого подбираются такие наименования демонов, которые представляются говорящему более «мягкими», чем их основные имена. Так, слово *леман* смягчает имя лешего или черта, употребляясь вместо созвучных слов *лесной, леший*: костром. «*Леман* лучше, это уже не *лесным* как бы. *Лесные* хоть что могут сделать, бояться лесного. Лучше хоть как перематюшиться, только его не поминать — *лесного-то*»; костром. «*Лемана* помянут — слово мягче, не то что *леший*»; «*Леман-то* — это ещё ласкательно называлось: “*Ой, да леман тебя побери!*” Вместо *лешего* это» [ЛКТЭ]; вологод. «*Я леман* говорю, *я лесным* не ругаюсь, не надо, нехорошоё. Это вот вьон-от ходит. Ниоткуда возьмись — ветер, перед глазами заходит всё. Я стала молиться: “Господи, путём-дорогой, Господи, спаси, Господи, сохрани и помилуй!”» [КСГРС]. Это разграничение настолько явственно, что носителям языка даже кажется, что *леман* — более «мелкий» бес, чем *леший*: костром. «*Да ну тебя к леману!* В значении “нечистая сила такого мелкого пошиба, мельче лешего”» [ЛКТЭ]. Вполне закономерно, что это слово приписывают женской речи: вологод. «*Мужик-от* трехэтажным матюгом посылает, а баба к *леману*» [КСГРС]. Кроме того, имя *леман* смягчает также слова *демон* и *чёрный*: костром. «*Леман* — это, наверное, слово “*демон*”, но “*демон*” не говорили, говорили “*леман*”. Ругательное это слово», «*Про лемана* тётка-монашка говорила: Это ведь местная ругань, а *чёрным* никогда не ругайся, это великий грех» [ЛКТЭ].

В метаязыковых высказываниях диалектоносителей говорится и о предпочтительности местоименных обозначений черта или лешего: костром. «Ну,

понеси тебя *этом!* Лешего боялись называть» [ЛКТЭ]; дон. «Ругаеть бабка дитя и, чтобы не согрешить *чёрными словами*, говорить: *И тот-то тебя забири*» [СРДГ (3): 160], ср. дон., орл., тобол. *Тот(-то) тебя возьми, забири, побери*, орл. *Хуш ба тебе тот-то взял*, кубан. *Тот-то тебе подери* [СРНГ (44): 300].

Носители традиционного языкового сознания понимают, что упоминание «непосредственных» имен демонов в составе проклинающих формул крайне опасно: арханг. «*Чертаться* или *лешакаться*, т. е. упоминать слова *черт, леший, водяной* и пр. почитается великим грехом» [СРНГ (17): 30]⁴; вологод. «Где худо живут, там лешаки водятся, они шибко ругаются, не надо лешаками ругаться, их надо опасаться» [СГРС (7): 84]. Это объясняется наличием причинно-следственной связи между демоническим проклятием и реальными несчастьями: арханг. «Кто ево знать, кака притча болести, он, вишь, сказывали, всё лешакался да чертился» [Подвысоцкий 1885: 140]; селигер. «Они отца плохо повадили, уж как она его чертыхала — зря, что ль, повесился потом?» [Селигер (4): 415].

Наиболее уязвимы для проклятий с упоминанием нечистой силы дети и скотина. Так, «жители Владимирской губ. различали “настоящие проклятия” и “отсылки к черту”, но по отношению к детям запрещалось использовать как те, так и другие формулы: “Проклипать ребенка и даже посылать его к черту считается грехом”» [Виноградова 2008: 404–405]. Ряд иллюстрирующих это положение контекстов приведен выше (при глаголе *лешакаться* и подобных), ср. также: перм. «Вот ребёнка, девочки, не кляните своего, чтоб леший увёл»; «Это если мать проклянёт, к чёрту пошлёт, то он [черт] услышать может, да и заберёт ребёнка»; «Скотину и то клянуть нельзя. Поругашь её — она в лес уйдёт и не придёт» [ЭСМРП]; костром. «Лешакаться нельзя хозяйке. Корова заблудится. Так было, корову-то нашли, попоили из бутылки. Из окна кто-то выпрыгнул. Три дня не выпускали корову [из хлева]» [ЛКТЭ]; новг. «А сбранённые дети по лесам ходят, названные чёртом» [СРГК (5): 645]; ленингр. «Телёнок у меня штой-то стоснул, може сбранил кто али наполохал» [Там же]; арханг. «Корову нельзя лешакагь» [СГРС (7): 85] и др. Этот вопрос затрагивался в ряде исследований (см., например: [Мороз 2000]). Тексты о связи нечистой силы с проклятыми детьми особенно характерны для севернорусских проклятий (но не встречаются, например, в полесских), см. об этом: [Левкиевская 2019: 338].

Помимо наиболее уязвимых для проклятий объектов, есть и опасный хронотоп проклятий. Об этом не раз говорилось в этнолингвистических исследованиях (см. хотя бы: [Березович 2002; Березович, Сурикова 2017d; Виноградова 2008; 2012; Виноградова, Седакова 2009; Черепанова 1983] и др.); приведем лишь некоторые новые полевые контексты: костром. «В лесу ругаться нельзя, в лесу ходит лесной, в лесу не лешакаются никогда. В лес надо идти, не надо лешакаться. Женщина пошла в лес, изругалась, так она не выйдет»; «Ругаешься в какой-то день: “Ой, леший тебя понеси!” — и вот может унести далёко»; «В полночь и полдень не лешакайся. В канун праздников тожо нельзя» [ЛКТЭ] и др.

⁴ Безбожие «постреволюционной» власти современные информанты нередко иллюстрируют — в числе прочего — фактической отменой негласного запрета на «лешакание», ср. вологод. «После революции лешаки стали, до этого никак не поминали» [СГРС (7): 84].

Жители Архангельской области считают, что «чертыхание» и «лешакание» опаснее, чем мат (считающийся в данном случае допустимым): «У ня от невеста за братом: она горит, чем залешукацца, дак лучче заматюкацца» [АОС (17): 319]; «Чем чертыхаться и лешакаться, лучше матюгаться» [Симица 1976: 139]; «По матери пошли, а лешего не поминай» [КСГРС]. Более того, попытка назвать имя лешего стоит в одном ряду с «дружкой» с ним: случайно А. И. Подвысоцкий дает для слова *лешáкаться* комплексное значение ‘водить с лешим, поминать его на словах’ [Подвысоцкий 1885: 85].

Вторая цель эвфемизации лексики, называющей нечистую силу, противоположна первой — это усиление разрушительного воздействия проклятия. Показательно, что для этой цели могут использоваться те же средства, что и в предыдущем случае, ср. вологод. «Чертыхаться не так страшно. Вон ногу ударил — и чертыхнулся. А вот если к *леману* отправить, то скотина пропадала. К *леману* отправлять тяжёлый грех» [КСГРС], костром. «Не к *лесному* посылали, а к *леману*, так страшнее. *Леман* как *демон*, очень страшное слово» [ЛКТЭ]. Как видим из последнего контекста, говорящий объясняет особую силу слова *леман* притяжением к *демону*. Возможно, фактор аттракции срабатывает, но это явно не единственная причина словесной замены. Главная причина — степень «свежести» (= действенности) / «затертости» слова в узусе: в привычной для говорящего речевой практике слова *черт* или *лесной* звучат очень часто, теряя тем самым свою силу. Поэтому в том случае, когда говорящий не просто чувствует потребность в эмоциональной разрядке, а хочет покарать словом, используя «настоящее» проклятие⁵, он обращается к менее частотному и более «сильному» *леману*⁶.

Действие противоположных лингвопрагматических установок можно усмотреть и в таких случаях, когда в проклятиях используется вторичное (неисконное) *не*, ср. кемер. *Леший бы его (ее) не ел* [СРНГ (17): 32]. Подробнее о неисконном *не* в проклятиях см. в: [Березович, Сурикова 2018: 101]. С одной стороны, здесь может работать установка на смягчение разрушительного воздействия (оно как бы отрицается). С другой стороны, само по себе *не*, несущее заряд негативного воздействия, возможно, усиливает проклятие.

На отбор обозначений нечистой силы в проклятиях, т. е. на выбор прямой или иносказательной номинации, влияет, как кажется, сам тип коммуникативной ситуации. Для того чтобы определить, в какой степени, — нужно выйти за пределы рассмотрения собственно текстов проклятий и проанализировать функционирование демонимов в речи, сопоставляя бранные и не связанные с бранью высказывания.

⁵ Для них, как указывает Л. Н. Виноградова, «выбираются “страшные”, “сильные”, “лютые”, “смертные” формулы; произносятся они на повышенных тонах, агрессивно» [Виноградова 2008: 400]. Поэтому частотное слово со стертой экспрессией не подходит.

⁶ По этим же причинам в текст проклятий попадают заведомо темные «заклинательные» слова, примером может послужить смолен. *«Гаттү! (...). Соль тебе в очи, черная головня в зубы!»* [СРНГ (6): 153]. Возможно, в основе междометие *ату*: смолен., псков. *ату* ‘выражает пренебрежение, недоверие’ [СРНГ (1): 292]. Предельное проявление табуизации — возникновение проклятий, построенных на использовании арготической лексики, ср. калуж. *Ёс ти стяхмóрь* ‘бранное выражение: черт тебя возьми’ [СРНГ (42): 130], где *ёс* — ‘черт’, *стяхморить* — ‘взять’ (условный язык калужских ремесленников) [Приемышева 2009: 494, 638].

Как известно, Э. Бенвенистом введено противопоставление двух планов употребления языка (с которыми связаны типы коммуникативной ситуации) — плана диалогической речи (*plan de discours*) и плана повествования (*plan de récit*) [Benveniste 1959]. Отсюда оппозиция диалоговой и нарративной коммуникативных ситуаций. Демонические проклятия «производятся» в рамках первой ситуации, в то время как вторая предполагает рассказ о нечистой силе в третьем лице (например, в контексте былички). Возникает любопытный вопрос: есть ли различия между теми демонами, которые используются в проклятиях, и теми, что употребляются в нарративных жанрах речи?

Вернемся к анализу уже упоминавшегося бранного демона *леман*, который далее рассмотрим в составе группы фонетически и семантически близких слов. Эта группа отмечается преимущественно в севернорусских говорах и включает в себя двусложные демони́мы с начальным *ле-* (единично *ла-*). Приводя для таких лексем значения ‘леший’ (чаще), ‘черт’ (реже), словари дают при них преимущественно бранные контексты, а П. А. Дилакторский снабжает словарную дефиницию примечанием: «употребляется в ругани, сердцах» [Дилакторский 2006: 233]. Самым распространенным в этой группе является собственно слово *лэма(о)н* (вологод., калуж., олон., вят., костром.), *леманёнок* (вологод., костром.) [СРНГ (16): 346; ЛКТЭ; КСГРС; ОСВГ (5): 182; Дилакторский 2006: 233]: вологод. *Лэман на тебя*, вологод. *Лэман с ним*, вят. *Лэмон побери*, вологод., костром. *Пошёл к лэману*.

Кроме слова *леман*, в эту группу входят следующие: перм., новг., олон. *лáман*: *Лáман те возьми* (новг.) [СРНГ (16): 252; Куликовский 1898: 48], новг. *лeгáн* [СРНГ (16): 309], вологод. *лэкан*: *Лэкан с тобой*, *Пошёл (кто) к лэкану*: «Ругалиси: ну, пошёл ты к лэкану, к лэману ли» [КСГРС], вологод., вят. *лэмах*: *К лэмаху подь* (вологод.) [СГРС (7): 63; СРНГ (16): 248], арханг. *лёмор*: *Ну те к лёмору* [СРНГ (16): 350], обл. *лэсман* ‘бранно: леший’ [Там же: 372], брян., орл. *лэхман*: *Лэхман тебя задери* (брян.) [СРНГ (17): 29], вят. *лешма́к* [ОСВГ (5): 191], вят., амур., вологод. *лешман* ‘бранно’ [ОСВГ (5): 191; СГРС (7): 86; Крючкова 2014: 84]⁷.

Указанную группу слов нельзя рассматривать без сопоставления с созвучными лексемами, имеющими относительно узкий целостный ареал: арханг., вологод., карел., олон., кольск., селигер., ленингр. *лёмбой* (редко *лёмбóй*), кольск. *лёмбу́й*⁸ [СРНГ (16): 347; Меркурьев 1979: 72; Селигер (3): 200; СРГК (3): 110; РДЭС: 436–437; КСГРС]: *Взял бы тебя лёмбой* (кольск.), *Лёмбой бы тебя взял* (селигер.), *Лёмбой тя* (ленингр.); арханг., кольск., карел., вологод. *лёмба* [СГРС (7): 63; СРГК (3): 110; Черепанова 1983: 74]: *Лёмба несё ю* (карел.), *Лёмба возьми тебя* (карел.) [СРГК (3): 110], карел. *лёмба* [РДЭС: 436], заонеж. *лёмбос* [Там же: 437]. Контексты здесь тоже преимуществен-

⁷ Возможно, сюда же следует включить новг. *лему́р* ‘домовой’, ‘дух умершего’ [НОС: 500].

⁸ В кольских говорах записано и «дублетное» к *лёмбу́ю* слово *тёмбу́й*, которое по неясной причине не включено в СРГК: мурман. *На тя тёмбу́й* («На тя тёмбу́й, лёмбу́й на тебя, мы так лешакаемся» [Черепанова 1983: 85]), где *тёмбу́й* ‘черт, леший’ < фин. *tuntrei* ‘отвратительный, омерзительный, противный’, карел. *tümbie* ‘некрасивый, дурной, плохой, уродливый’ [Там же]. При этом в статье к глаголу *лешакаться* этот же (судя по всему) контекст (с географической пометой «терск.») подан так: «На тя лёмбу́й, лёмбу́й на тебя, мы так лешакаемся» [СРГК (3): 85].

но бранные. Как указывает карельский краевед А. В. Фомин-Светляк, «точного определения значения этого слова [*лембой*] нет. Применяется оно в тех случаях, как и слово черт, — но ясного представления или чего-нибудь похожего на черта в этом слове нет... Лембой — не черт» [СРНГ (16): 347]. Интересно, что в представлениях о *лембое* архангельских крестьян есть мотив «проклятого» происхождения демона: «Лембои, нечистая сила, черти, им подневольны *заклятые*, с ними выдаются *клохтуны* или *ерестуны*, дети, проклятые родителями» [Даль 1880–1882 (2): 213]. Фиксируется в дательном падеже также форма *лембому*, ср. карел. *Ну тя к лёмбому* [Черепанова 1983: 74]. С. А. Мызников (вслед за Я. Калимой и др.) не сомневается в прибалтийско-финских истоках этого слова, при этом вариант *лембой* следует связывать с ливв. *l'emboi*, вепс. *lemboi* ‘черт’, в то время как слово *лемба* этимологически ближе к карел. *lembo* ‘черт, дьявол’, ‘ругательно — черт, дьявол’ [Мызников 2003: 113; РДЭС: 437].

Но связаны ли генетически две группы слов — условно «группа *лемана*» и «группа *лембоья*»? С. А. Мызников упоминает два слова из первой группы — *леман* и *лемор* — и не спешит связывать их с финно-угорским по происхождению *лембоем* [Мызников 2003: 115; РДЭС: 436–437]. Мы присоединяемся к этому суждению (в пользу которого говорят как словообразовательные, так и лингвогеографические аргументы) и полагаем, что все формы — *ламан*, *леган*, *лёкан*, *лёмех*, *лёмсан*, *лэхман*, *лешма́к*, *лешман* — результат переделки слова *леший* (*лесной*), осуществляющейся по фонетической модели эфемизации, которая может давать весьма парадоксальные замены, не укладывающиеся в обычные схемы комбинаторных изменений и в словообразовательные модели. Финаль *-ман* (*-ан*), по некоторым предположениям, является арготической (офенской) (см. об этом: [Крючкова 2014: 84])⁹. Возможно, слова типа *леман* или *лешман* возникли в рамках арготической номинации или под ее влиянием, а затем, варьируя словообразовательно, получили распространение в говорах. Кроме того, финаль *-ман* может быть результатом аттракции к слову *демон*, ср. приведенный выше контекст «*Леман как демон, очень страшное слово*» [ЛКТЭ]¹⁰.

Каким бы ни было происхождение указанных слов, для нас важно, что «группа *лемана*» и «группа *лембоья*» употребляются, как говорилось выше, в огромном большинстве случаев в диалоговом режиме — бранном и проклинающем. В крайне редких случаях фиксируются нарративные контексты, которые могут быть вторичными: арханг. «Лемба кака-то казалась в лесу, в лес заманивала» [СГРС (7): 63].

Диалоговому режиму употребления указанных слов противопоставлен нарративный режим, в котором функционируют демонимы *лесной*, *леший* и некоторые другие, ср. наблюдения О. А. Черепановой: «...слово *лесной* не встретится в бранных выражениях, в то время как *леша́к*, *лешави́к*, *лешейко*, *лесман* специфичны именно для них» [Черепанова 1983: 74]. Ср. также пермский контекст: «Мать-то всё: “*Пошёл ты к лешему*”». Ну, чё-то другое можно

⁹ Ср., к примеру, замечание В. Н. Добровольского, указывающего, что калуж. *леман* принадлежит к аргю портных [СРНГ (16): 346].

¹⁰ Фиксируются и другие метаязыковые высказывания носителей диалекта, указывающие на притяжение *лемон* ↔ *демон*: костром. «Какого лемана, какого демона — всё одно» [ЛКТЭ].

сказать. Но к лесному никогда не надо» [ЭСМРП]. Однако по законам магической речи иногда, наоборот, слово *лесной* возникает в проклятиях, ср. иркут. *Уведи леший (лесной) кого-л.* [СРНГ 46: 179], перм. *Чтоб тебя лесной унес, иркут. Лесной (леший) задави* [СРНГ (16): 374].

Оппозиция двух режимов коммуникации прослеживается и на других примерах — и становится объектом метаязыковой рефлексии носителей традиции. Так, вологодские информанты противопоставляют слова *скима* и *дьявол*, относя первое к бранной коммуникации, а второе — к нарративной: «*Скимой* бранились, *скима* вместо *дьявола*. *Дьявол*-то нельзя сказать, страшное слово. Если просто в рассказе, то скажут *дьявол*, да и то тихо. А в ругани *скима*» [КСГРС]. Носители архангельских (онежских) говором сходным образом ощущают различия между словами *жсихорь* и *черт*: «*Подь ты к жсихорю*, — так скажут, если проклёнут кого. А чёрта не поминали при проклёнстве. Про чёрта бабы сказки сказывали» [Там же]; аналогичный контекст представлен в АОС: «Матюк ништо сказать, а “жыхорь”! А штобы не чертыхаца» [АОС (14): 239]¹¹. В костромских говорах противопоставлены лексемы *синий* и *леший*: «*Леший* — не говорили раньше. *Леший* — слишком громко. А *синий* — мяхче сказать. *Вот её синий понёс куда-то! Куда тебя синий понёс?*» [ЛКТЭ].

В ряде контекстов противопоставление режимов коммуникации является не столь наглядным, но подразумевается, ср. оппозиции *чёкиши* ↔ *лешак* в архангельских говорах (арханг. «*Да пошла ты к чёкишу*, — говорят, если не хотят лешака́ться» [КСГРС]), *лембой* ↔ *черт*, *леший* — в беломорских («Штобы не назвать ево, таким словом не чертыхались, а называли *лембой*, не говорилось *чёрт* или *лешый*, эти слова были самые ругательные» [Мызников 2010: 195]), *грец* ↔ *черт* — в краснодарских («Краснодар. *грец* — несколько ослабленное бранное слово, заменяющее слово *чёрт*, так как употреблять слово *чёрт* считалось в казачьей среде неприличным, позорящим казаков. И на того, кто употреблял слово *чёрт*, *чертыхался* или говорил *чёрные слова*, казаки смотрели с пренебрежением» [СОКК: 32]) и др.

Есть случаи, когда проявления метаязыковой рефлексии не засвидетельствованы, но набор контекстов, в которых употребляется название какого-либо представителя нечистой силы, позволяет утверждать, что оно «предназначено» для одного определенного режима коммуникации. Так, демони́м *вергой* ‘черт’, который сопоставляется с фин. *verkanen* ‘то же’, карел. *verka, verga* [Мызников 2004: 145], зафиксирован в нескольких лексикографических источниках с разницей как минимум в 70 лет только в «проклинаящих» контекстах: карел. *Пой к вёргою, Неси ты вёргой, Вёргой ты носит* [СРГК (1): 173], олон. *Пой в вёргой* [Куликовский 1898: 9]. Не употребляется вне экспрессивных формул и слово *синий*, зафиксированное в Костромской области, при этом контексты могут быть как проклинаящими (костром. *Ну его туда к синему*: «Ну его туда к синему! — это значит, иди к лешему» [ЛКТЭ]), так и имеющими другие целеустановки: *На кой синий, Какого тебе синего, Синий знает* [ЛКТЭ].

Описанные выше тенденции — восприятия эвфемизмов как «смягчающих» проклятие и, наоборот, «усиливающих» его — обуславливает то обстоя-

¹¹ Составители АОС дают при этом контексте такой комментарий: «*Чёрт* — более сильная брань, чем *жсихорь*».

тельство, что одно и то же слово может считаться то «нарративным», то «диалоговым», ср. вологод. *вялый* эвфем. ‘черт’: «Нашкодит ребёнок-от, поддашь под задницу-то — от, *вялый тебя забери*»; «*Вялым* не ругали, *вялым* грешно было» [СГРС (2): 288]. Эти контексты записаны в соседних деревнях Белозерского района (соответственно Задней и Средней).

Интересный пример демонстрирует переход лексемы из проклятий в нарративный режим. В архангельских говорах фиксируется слово *желва́к* ‘черт’, которое употребляется в качестве эвфемизма *черта*: «Нецистого желваком зовём, цтобы *цёрт* не говорить» [СГРС (3): 348]; «Йесьли человек не закрылся, йево желвак унести можэт. Унесёт йего жылвак, йесли не закрылся от чёрной силы»; «Ф самом Йемецке ходят, там какой желваг бродит» [АОС (13): 271]. Этот демоним, по всей видимости, «перекочевал» из проклятий типа арханг. *Понеси тебя желвак* [Там же: 271–272], в которых изначально обозначал болезненное состояние — ‘вздутие под кожей, опухоль, нарыв’ [Там же: 271].

Можно ли — при всей многоаспектности и «протеистичности» лингвопрагматики проклятий — выделить какие-то закономерности, которые диктуют распределение демонимов между режимами коммуникации?

Некоторые закономерности есть. Так, выбор демонима для проклятия нередко определяется наличием маркеров экспрессии во внутренней форме слова: «Являясь эмфатическими по самой своей природе, бранные выражения нередко включают образования, экспрессивно маркированные определенным набором словообразовательных средств: *сатани́ла, демоні́юга, вражнѣя, вражѣн, леши́я, чертѣня, чертѣице*» [Черепанова 1983: 74–75]. Таким образом, диалоговый режим коммуникации требует от демонима словообразовательной экспрессии. Кроме того, дополнительная экспрессия может создаваться за счет лексических «добавок»: костром. *Да унеси тебя змеев лёший* [ЛКТЭ], арханг. *К лёшой матери езжай* [АОС (13): 79] и т. д.

В то же время демонимы в «задабривающих» словообразовательных формах имеют меньше шансов попасть в бранные формулы. Скажем, «ласковые» наименования лешего (вроде яросл. *мужичок* [СРНГ (18): 334]; вят. *долгий дядюшка* [СРНГ (8): 106], нижегор., сарат. *дикенький мужичок* [Там же: 56], вят. *дядюшка лесной* [СРНГ (7): 332], яросл., оренб. *луканька* [СРНГ (17): 388] и др.) в проклятиях, кажется, не фиксируются. Это ясно: их возможное использование создавало бы контраст между «грозной» целеустановкой и лексическими средствами, ее реализующими (хотя см. единичное дон. *Дёдка его побери* [СРНГ (7): 205]).

Практически не встречаются в проклятиях и такие демонимы, которые образованы от имен собственных: вологод. *дядя Миша* ‘черт’, арханг. *Иван ‘то же’*, вологод. *Сысой* ‘леший’ [КСГРС], арханг. *Фаддэйко, Фадёйко, кривой Фадёйко, Фадька* ‘то же’ [СРНГ (50): 36], олон. *Мусаила-лес* ‘то же’ [СРНГ (18): 362] и т. д. Здесь есть коммуникативный выбор, определяемый дистинктивными возможностями текста и демонима в его составе: фраза **Пойди ты к дяде Мише* может не «прочитаться» как проклятие.

Таким образом, можно видеть, что коммуникативный режим (диалоговый vs. нарративный) действительно во многом обуславливает выбор демонима говорящим. Проклятье или отсыл — диалоговые жанры речи, они подразумевают озвучение личных интенций говорящего, поэтому их перлокутивная «интенсивность» выше, чем у нарратива, интенциональное содержание которого может быть нейтральным или восприниматься адресатом как нейтраль-

ное. Значит, и использование «запретной» лексики в диалоговом режиме более опасно, чем в нарративном, поэтому одним из ключевых параметров для отказа от прямого именованной нечистой силы становится желание смягчить перлокутивный эффект проклятья с помощью эвфемизма.

Вообще употребление демонимии во многом сближается с использованием мата (обцененной лексики): на оба этих пласта лексики накладывается схожая система запретов и ограничений, например, запрет на использование при детях, запрет на использование женщинами, употребление эвфемистических замен, основанных как на семантическом, так и на чисто формальном (фонетическом) сходстве, а также употребление глоссолалии. Хотя, как мы видели из многих контекстов, приведенных выше, употребление матерной брани считается не таким грешным, как чертыхание.

Проклятья с участием демонимов являются «архетипичными» текстами этого жанра: они максимально точно, ярко и лаконично передают негативную интенцию говорящего, апеллируя к нечисти как к «образцу» зла — врагу рода человеческого. При этом изучение их реального функционирования в коммуникативной практике носителей народной традиции показывает, что именно для таких текстов действует наиболее строгая система запретов — как для самых опасных и «непристойных»: и по лексическому составу, и по перлокутивному эффекту. Они совмещают два социальных табу — на произнесение имени нечистой силы и на перформативное пожелание зла кому-либо (другому человеку или самому себе). Поэтому именно в проклятьях с демонимами происходит наибольшее число эвфемистических замен, и поэтому они не лидируют в частотности в сравнении с другими группами злопожеланий.

Тема демонимии в проклятьях обширна, и в этой статье нам не удалось затронуть все связанные с ней вопросы. Так, за рамками анализа осталось подробное рассмотрение «идеографии» нечистой силы в злопожеланиях, семантико-мотивационное и этимологическое исследование некоторых «темных» лексем (например, *памха* ‘нечистая сила, черт’: новг. *Памха тя побери* [СРНГ (25): 187] и др.), классификация демонимов с точки зрения механизмов эвфемизации (замена местоимением, заимствованной иноязыковой лексемой, субстантивированными прилагательными — качественными характеристиками злых духов и пр.). В интерпретации нуждаются также многочисленные случаи, когда лексема, выражающая представления об акторе проклятия, обладает полисемией и обозначает как нечистую силу, так и болезнь (чаще всего), а также ландшафтное явление, природную стихию и пр., ср., к примеру: *вологод. Крути тебя омег, Понеси тебя омег*, где *о́мег* ‘черт, дьявол’, ‘тяжелое отравление’ [КСГРС]. Этим темам будут посвящены наши будущие исследования лексики русских проклятий.

Источники

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–.

Афанасьева-Медведева — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 1–. СПб.: Наука, 2007–.

- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ред. В. И. Дегтярев. М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2003.
- Герасимов 1910 — *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора (Новгородской губернии). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. (Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. Т. 87. № 3).
- Даль 1880–1882 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882. (Репринт: М.: Рус. яз., 1989).
- Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.
- Добровольский 1914 — Смоленский областной словарь / Сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898.
- ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Меркурьев 1979 — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1979.
- Мызников 2010 — *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья: Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–. Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–.
- Оссовецкий 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969.
- Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885.
- Приемышева 2009 — *Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 2. СПб.: Нестор-История, 2009.
- РДЭС — *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- СВГ — Словарь вологодских говоров: В 12 т. / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СВРГ — Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / Под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВоГУ, 2017.
- СГПод — Словарь говоров Подмосковья / Под ред. А. Ф. Войтенко. М.: Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1969.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–.
- СДГВО — *Кудряшова Р. И., Брысина Е. В., Супрун В. И.* Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь: В 8 вып. / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; и др., 2003–2020.

- Сими́на 1976 — *Сими́на Г. Я.* Пинежский говор: материалы по русской диалектологии. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1976.
- СОКК — *Мастепанов С. Д.* Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края. Армавир; Отрадная: [б. и.], 2013.
- СПГ — Словарь пермских говоров: В 2 вып. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 1999–2002.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР = Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 8 т. / Под ред. Р. В. Семенковой и др. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Среднеурал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГЮП — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 вып. / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров: В 3 т. / Авт.-сост. З. В. Валюсинская и др. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–.
- ТСГТО — Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 / Ред. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова. Тверь: ТвГУ, 2003.
- Фасмер 1964–1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
- ФСГРС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983.
- ЭСМРП — *Русинова И. И., Черных А. В., Шумов К. Э., Королёва С. Ю.* Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. (В печати).
- ЯОС — Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Литература

- Березович 2002 — *Березович Е. Л.* Демонический топос в призме русской народной языковой традиции // Признаковое пространство культуры / Ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 103–128.
- Березович, Сурикова 2017а — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Злопожелания в диалектных словарях русского языка: проблемы лексикографической интерпретации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 19. № 4(169). 2017. С. 9–21.
- Березович, Сурикова 2017б — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // Jezikoslovni zapiski. Т. 23. № 2. 2017. С. 67–81.
- Березович, Сурикова 2017в — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К семантической реконструкции лексики проклятий (на материале говоров Волго-Двинского междуречья) // Вестник Костромского государственного университета. Т. 23. Спец. выпуск. 2017. С. 28–33.
- Березович, Сурикова 2017д — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народ-

- ных говором) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12: Диалектология / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: ИРЯ РАН, 2017. С. 137–159.
- Березович, Сурикова 2018 — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.
- Березович, Сурикова 2019 — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения В. Н. Топорова / Под ред. А. Ф. Журавлева и др. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 111–140.
- Виноградова 2008 — *Виноградова Л. Н.* К проблеме типологии и функции магических текстов: Формулы проклятий в народной культуре // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Ред. А. М. Молдован, Л. И. Сазонова. М.: ИРЯ РАН, 2008. С. 397–411.
- Виноградова 2012 — *Виноградова Л. Н.* «Отсылка к нечистой силе» — общеславянский мотив проклятий // Заједничко у словенском фолклору: 36. радова / Уред. Љ. Раденковић. Београд: Балканолошки ин-т САНУ, 2012. С. 47–62.
- Виноградова, Седакова 2009 — *Виноградова Л. Н., Седакова И. А.* Проклятие // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 286–294.
- Власова 2008 — *Власова М.* Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Козельская 2004 — *Козельская И. В.* Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров: Дис. ... канд. филол. наук / Орловский гос. ун-т. Орел, 2004.
- Крючкова 2014 — *Крючкова Л. Л.* Комментарий к «Словарной картотеке Г. С. Новикова-Даурского». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014.
- Левкиевская 2019 — *Левкиевская Е. Е.* Лесной дух // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Ред. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Индрик, 2019. С. 337–356.
- Мороз 2000 — *Мороз А. Б.* «Чтоб ты лихая немочь изняла!» // Русская речь. 2000. № 1. С. 89–94.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.
- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Щербинина 2019 — *Щербинина Ю.* Злоречие: Иллюстрированная история. М.: Неолит, 2019.
- Benveniste 1959 — *Benveniste E.* Les relations de temps dans le verbe français // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Т. 54. Fasc. 1. 1959. 69–82.

References

- Benveniste, E. (1959). Les relations de temps dans le verbe français. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 54(1), 69–82. (In French).
- Berezovich, E. L. (2002). Demonicheskiĭ topos v prizme russkoi narodnoi iazykovoi traditsii [Demonic space through the prism of the Russian folk language tradition]. In S. M. Tolstaia (Ed.). *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* (pp. 103–128). Indrik. (In Russian).

- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2017a). Zlopozhelaniia v dialektnykh slovariakh russkogo iazyka: problemy leksikograficheskoi interpretatsii [Ill wishes in Russian dialect dictionaries: Issues of lexicographic interpretation]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, Ser. 2 *Gumanitarnye nauki*, 19(4(169)), 9–21. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2017b). K rekonstruktsii leksicheskogo sostava russkikh narodnykh proklatii: obshchaia kharakteristika predikata proklatiia [Reconstructing the vocabulary of Russian popular imprecations: General characteristics of the imprecation predicate]. *Jezikoslovni zapiski*, 23(2), 67–81. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2017c). Prostranstvennye i vremennye markery v tekstakh russkikh proklatii (na materiale leksiki russkikh narodnykh govorov) [Space and time markers in the texts of Russian imprecations (with reference to the Russian dialects vocabulary)]. In A. M. Moldovan (Ed.). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, (Issue 12) *Dialektologiya* (pp. 137–159). IRIa RAN. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2017d). K semanticheskoi rekonstruktsii leksiki proklatii (na materiale govorov Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ia) [Semantic reconstructing of the vocabulary of imprecations (based on the dialects of the Volga-Dvina interfluve)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (Special Issue), 28–33. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018). K rekonstruktsii leksicheskogo sostava proklatii: kategoriia aktora i osobennosti ee realizatsii v tekstakh (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Reconstructing the lexicon of imprecations: The category of actor and peculiarities of its textual implementation (with special reference to Russian dialectal vocabulary)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2018(3), 89–111. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2019). Nazvaniia boleznei v russkikh proklatiiakh [Names of diseases in Russian imprecations]. In A. F. Zhuravlev et al. (Eds.). *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Slavistika. Indoevropeistika. Kul'turologiia: K 90-letiiu so dnia rozhdeniia V. N. Toporova* (pp. 111–140). Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian).
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaiia leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Izdatel'stvo LGU. (In Russian).
- Kozel'skaia, I. V. (2004). *Sintaksicheskaiia struktura i komponentnyi sostav dialektnykh ustoi-chivyykh vyrazhenii so znacheniem nedobrogo pozhelaniia kak otrazhenie mirovospriatiia nositelei govorov* [The syntactic structure and component composition of dialect expressions with meaning of an unkind wish as a reflection of the worldview of dialect speakers] (Cand. Sci. (Philology) Thesis, Orel State University). (In Russian).
- Kriuchkova, L. L. (2014). *Kommentarii k "Slovarnoi kartoteke G. S. Novikova-Daurskogo"* [Commentary on the *Dictionary Card Index* of G. S. Novikov-Daursky]. Izdatel'stvo BGPU. (In Russian).
- Levkievskaiia, E. E. (2019). Lesnoi dukh [The forest spirit]. In L. N. Vinogradova, & E. E. Levkievskaiia (Eds.). *Narodnaia demonologiya Poles'ia: Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka*, (Vol. 4) *Dukhi domashnego i prirodnogo prostranstva. Nelokalizovannye personazhi* (pp. 337–356). Indrik. (In Russian).
- Moroz, A. B. (2000). "Chtob tia likhaia nemoch' izniiala!" ['May you be eaten by a cruel disease!']. *Russkaia rech'*, 2000(1), 89–94. (In Russian).
- Myznikov, S. A. (2003). *Russkie govory Obonezh'ia: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia* [Russian dialects of the Onega Region: An areal-etymological study of the vocabulary of Baltic-Finnish origin]. Nauka. (In Russian).
- Shcherbinina, Iu. (2019). *Zlorechie: Illiustrirovannaia istoriia* [Evil speaking: An illustrated history]. Neolit. (In Russian).
- Vinogradova, L. N. (2008). K probleme tipologii i funktsii magicheskikh tekstov: Formuly proklatii v narodnoi kul'ture [The problem of typology and functioning of magic texts: Formulas of imprecations in popular culture]. In A. M. Moldovan, & L. I. Sazonova (Eds.). *Pis'mennost', literatura i fol'klor slavianskikh narodov. XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 397–411). IRIa RAN. (In Russian).

- Vinogradova, L. N. (2012). "Otsylka k nechistoi sile" — obshch斯拉vianskii motiv prokliatii ["Sending somebody to evil spirits" — a common Slavic motif of imprecations]. In L. Radenkovich (Ed.). *Zajednichko u slovenskom folkloru: Zbornik radova* (pp. 47–62). Balkanološki institut SANU. (In Russian).
- Vinogradova, L. N., & Sedakova, I. A. (2009). Proklatie [Imprecation]. In N. I. Tolstoi (Ed.). *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* (Vol. 4, 286–294). Mezhdunarodnye otnošenii. (In Russian).
- Vlasova, M. (2008). *Entsiklopediia russkikh sueverii* [Encyclopedia of Russian superstitions]. Azbuka-klassika. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Елена Львовна Березович

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
профессор, кафедра русского языка,
общего языкознания и речевой
коммуникации, Уральский федеральный
университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина
Россия, 620000, Екатеринбург,
пр-т Ленина, д. 51
Тел.: +7 (343) 389-97-38
✉ berezovich@yandex.ru

Олеся Дмитриевна Сурикова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, кафедра
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации, Уральский
федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Россия, 620000, Екатеринбург,
пр-т Ленина, д. 51
Тел.: +7 (343) 389-97-38
научный сотрудник, отдел диалектологии
и лингвистической географии, Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка,
д. 18/2
Тел.: +7 (495) 695-26-60
✉ surok62@mail.ru

Information about the author

Elena L. Berezovich

*Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Professor, Department of Russian
Language, General Linguistics and Verbal
Communication, Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
Russia, 620000, Yekaterinburg, Lenin Ave., 51
Tel.: +7 (343) 389-97-38
✉ berezovich@yandex.ru*

Olesia D. Surikova

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Department of
Russian Language, General Linguistics
and Verbal Communication, Ural Federal
University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
Russia, 620000, Yekaterinburg, Lenin Ave., 51
Tel.: +7 (343) 389-97-38
Research Fellow, Department of Dialectology
and Linguistic Geography, V. V. Vinogradov
Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 119019, Moscow, Volkhonka Str., 18/2
Tel.: +7 (495) 695-26-60
✉ surok62@mail.ru*